

А.Н. Курцев

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСТВО И ОТХОДНИЧЕСТВО КРЕСТЬЯН
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ
В 1861–1917 гг.

Статья посвящена развитию переселенчества и отходничества крестьян Центрального Черноземья в 1861–1917 гг.: их специфическим чертам и противоречивым взаимосвязям. Автор приходит к выводу, что эти трудовые миграции, проходя синхронно, и дополняли, и тормозили колонизацию окраин и урбанизацию страны.

Ключевые слова: Центральный черноземный район, крестьянство, трудовая миграция, переселенчество, отходничество.

В 1861–1917 гг. переход России от аграрной цивилизации к индустриальному обществу в значительной мере определялся состоянием переселенчества и отходничества крестьянства, игравших соответственно решающую роль в деле завершения колонизации окраин и начавшейся урбанизации страны.

Отличительной чертой Центрального черноземного района (ЦЧР) в составе Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний являлось массовое участие крестьян сразу в обеих указанных миграциях. К 1897 г. селения этого региона являлись средой обитания 12 млн наличного крестьянского населения¹.

В историческом плане переселенческое движение земледельческого характера представляло собой уходящий тип миграции. Сущность переселенчества характеризуется единством его взаимосвязанных фаз – выселения и заселения, то есть движением уроженцев перенаселенных регионов в малоосвоенные местности. Однако Россия с середины XIX в. переживала завершающий период колонизации окраин, когда первичное заселение (с минимальным числом

© Курцев А.Н., 2012

участников из крестьян среднего достатка) стало уступать место остаточному подселению (с нарастающей массой переселенцев из сельской бедноты) – к местным жителям и пришедшим ранее мигрантам, которые заняли плодородные массивы целины, пригодной для обработки. Поэтому пореформенному миграционному притоку с каждым десятилетием все больше доставались в основном только истощенные старожилами залежные угодья или дремучая тайга и безводная степь на казенных участках, что обернулось поземельной неустроенностью новоселов, их арендаторством и батрачеством, развитием повторных и обратных миграций².

В 1861–1917 гг. переселенческое движение охватило приблизительно 2 млн жителей центрально-черноземной деревни (включая 200 тыс. ходоков), в особенности Воронежской, Курской и частично Тамбовской губерний, где привязанность к земледелию осталась еще неизжитой³.

Посредством выселений беднеющее крестьянство спасалось от малоземелья и нищеты. По свидетельству Канцелярии тульского губернатора, на окраины уходили «те крестьяне, которым жилось плохо, а именно имели мало земли, а потому и бедствовали, особенно те, которые из состава своей семьи, за малочисленностью работников среди себя, не могли послать кого-либо на сторонние заработки»⁴.

В первое пореформенное тридцатилетие селяне избирали для вселения доступные своей близостью Придонье и Новороссию, Предкавказье и Заволжье, следуя туда пешком за конными повозками с грузом и детьми. В частности, в записке Комитета министров о переселениях крестьян за 1870–1879 гг. указывалось, что «вся главная масса переселяющихся исходила из густонаселенных, чисто земледельческих, по преимуществу черноземных губерний и главным образом из центральной части черноземной полосы, состоящей из губерний Тульской и Рязанской, Орловской и Тамбовской, Курской и Воронежской»⁵.

Отдельные мероприятия властей по поощрению колонизации окраин страдали ограниченностью и поспешно сворачивались из-за угрозы массового исхода крестьян. В результате миграции происходили стихийно, зачастую нелегальным порядком, несмотря на указание МВД и Министерства земледелия и государственных имуществ «не допускать переселение семей, кои по бедности не могут там рассчитывать на успешное устройство»⁶.

Подготовить переселение помогали народная практика посылки туда ходоков и участие там крестьян ЦЧР в полевых работах, способствующих поиску ими нового местожительства, в первую очередь в Кубанской области, где «многие из этих пришлых рабочих,

прельстившись высокими урожаями, а также низкими арендными и покупными ценами на землю, оставались там навсегда и заводили хозяйство»⁷.

Нужный минимум денежных средств, необходимый новоселам на первичное обустройство, давала распродажа имущества – от домов до земли, включая латентную продажу общинных наделов под видом сдачи в многолетнюю аренду с завышенной платой.

Между тем по данным Министерства земледелия и государственных имуществ уже за 1880-е годы, «почти все» черноземные подселенцы к европейским старожилам «плохо устроились – живут в работниках, а если и заводят свое хозяйство, то не иначе как на арендной земле, приписаться же к обществу или купить землю в собственность им уже не удастся»⁸.

В 1882 г. супруга рязанца, пришедшего с семейством в Уфимскую губернию в конце 1870-х годов, писала на родину о трудностях их подселения: поначалу снимали квартиру, «теперь мы живем в своем доме», «и скотинка есть, и хлебушек есть», «и в деньгах покуда нужды не видим», но положение здесь «нам тем не нравится, что мы живем на арендованной земле», поскольку ранее новоселов здесь «принимали к обществам», имевшим свободные «казенные участки», «а нонче это кончилось». Осталась надежда на «Томскую губернию: там принимают к обществам; но и там слухи плохие: у нас не слишком хлеб вызревает, а там еще хуже»⁹.

В казачьих областях «сотни поселков и хуторов из иногородних живут и занимаются хозяйством на арендованной земле, не имея ни клочка собственной», попутно поставляя казакам «наемных рабочих на поля, сенокосы, рыбные ловли и в домашний обиход», причем цена аренды значительно повысилась, а оплата труда стала падать»¹⁰.

Из 110 тыс. новоселов Оренбуржья, наполовину состоящих из крестьян центрально-черноземных губерний, «только 9,1 % прочно устроились в поземельном отношении», поскольку остальные «поселились на арендованных землях или поступили в работники», причем «большинство не имеет собственных домов». Однако у первых иная беда: легальные мигранты «рады получить от казны какую угодно землю, хотя бы и неудобную под поселение», обыкновенно даже без «проточной воды», что «скоро дает себя чувствовать. Поживут переселенцы на новой земле год-два, построятся», а затем происходит «почти поголовное бегство с отведенных переселенцам наделов»¹¹.

В итоге получили развитие повторные миграции людей дальше на восток. Например, в тургайской степи наибольшую часть прибывших к 1903 г. новоселов «составляли так называемые “самар-

цы” – по большей части выходцы из тех или других внутренних губерний, переселившиеся первоначально на просторные в то время самарские степи, а после того успевшие пожить еще на башкирских или на казенных землях Уфимской или Оренбургской губерний»¹².

С другой стороны, поиски счастливой доли поднимали новые волны мигрантов, более всего – бывших крепостных из ЦЧР. По словам рязанцев, как только с 1861 г. «открылась воля, можно было идти на все четыре стороны, – и пошли, кто куда, счастья искать»¹³. По отзывам курян, дошедших до Томской губернии, они «из России – что из тюрьмы ушли», поскольку из-за помещиков в родных селах «ни пашни, ни выпуска, то туда курица попадет, то туда теленок, только за них и работали»¹⁴.

С середины 1890-х годов мигранты из ЦЧР, потеряв надежду на земельное устройство в освоенных районах прежнего заселения, с открытием Транссибирской железнодорожной магистрали массово двинулись на азиатские окраины, чему способствовал новый курс правительства по организации льготного переселения для крестьян среднего достатка с обязательным условием предварительного представить ходатайство от группы семей. Таким лицам предоставляли удешевленный проезд железнодорожным транспортом, бесплатно наделляли земельными участками, выдавали семье денежные ссуды на заведение хозяйства и т. д. Одновременно их предупреждали, что уже к 1897 г. на удобных землях «Западная Сибирь может принять лишь единичных переселенцев, а прочим может предложить для водворения только урманные пространства – лесистые и неводеланные»¹⁵.

Недостаток пригодных земель и самовольное выселение бедноты вынудили с 1900 г. свернуть льготную миграцию с последующей ее остановкой на время Японской войны. В марте 1906 г. Совет министров во главе с С.Ю. Витте решил вернуться к поощряемому переселению, отменив прежний контроль за уровнем достатка ходоков. Это вызвало небывалый всплеск движения в Зауралье¹⁶. Правительство П.А. Столыпина на 1907–1910 гг. вновь ограничило льготную колонизацию: в условиях невозможности обеспечить миллионы выселяющихся удобными землями и денежной помощью, оно пыталось остановить стихийно уходящих сельских бедняков, продававших перед переселением свои наделы и родные избы, чтобы предотвратить их возвращение домой в полной нищете. Властям это удалось лишь в 1910 г. В тот год с Тамбовщины ушло за Урал 5,6 тыс. высленцев, а обратно прибыли 7,5 тыс. отчаявшихся неудачников¹⁷.

Половина мигрантов из ЦЧР завела в Сибири собственные хозяйства на казенных землях, отведенных с последующим их ук-

реплением путем многолетнего труда. Остальные новоселы – стихийные мигранты являлись полуарендаторами-полубатраками у старожилов и наиболее состоятельных легальных переселенцев. Так, крестьяне Воронежской губернии, ушедшие в середине 1890-х годов партией в 176 семей в составе 1,1 тыс. человек на казенный участок Томской губернии, к 1910 г. добились немалых успехов: 9 дес. посева (против 3 дес. на родине) и более 9 рабочих лошадей с дойными коровами (против 1 головы на родине).

Судьба 112 семей, позднее подселившихся к ним, такова: «Приселение к этому ядру шло с перерывом на время Русско-японской войны все последующие годы». Часть пришедших – родственников или однообщинников – осела официально, остальные устроились «на задворках самовольно». Очевидцем – К.К. Федяевским, земским статистиком Воронежской губернии – особо подчеркнуто, что «отношение к новоприбывшим, не имеющим в селе ни родственников, ни однообщинников по месту выхода, со стороны большинства давно устроившихся крестьян... чрезвычайно напоминает отношение сибиряка-старожила к переселенцу. Забыв о том, что лет пятнадцать тому назад они были в таком же точно положении, давно прибывшие крестьяне и по большей части хорошо устроившиеся свысока смотрят на вновь приезжих, зовут их нищими и лодырями, говорят, что они не умеют работать, спрашивают, нельзя ли каким-нибудь образом от них отделаться»¹⁸.

Другой современник – Н.Н. Касаткин-Ростовский, представитель Курского губернского земства – собрал информацию о 9,5 тыс. семьях курян в составе 63 тыс. душ, стихийно осевших в томских селениях к 1910 г.: «Большинство переселенцев-самовольцев... проживают при старожильческих обществах... ведут хозяйство на арендованной земле... без надежды на приписку», поскольку она возросла до более чем 70 руб. с мужской души. «Неприписанный переселенец, проживающий в селе, приносит старожилу, а равно приписанному переселенцу массу выгод: дает дешевую рабочую силу, служит потребителем по дорогой цене продуктов, наконец, квартирантом»¹⁹.

Льготную политику с 1911 г. и оживление выселений к 1914 г. сорвала Первая мировая война, хотя даже в 1917 г. отъезд в Сибирь из губерний ЦЧР избрали 69 семейств²⁰.

Эволюция взаимодействия разнородных миграционных процессов заключалась в том, что поначалу успешное вселение крестьян региона на аграрные окраины сдерживало развитие неземледельческих отхожих заработков, особенно в основных губерниях выселения. Последующее исчерпание первичных колониционных ресурсов в условиях избыточности мигрантов стимулировало

рост отходничества, потенциальные переселенцы были вынуждены пополнять ряды урбанизируемых отходников.

В основе пореформенного развития отходничества крестьян Центрального Черноземья лежали как избыток в деревне трудовых ресурсов при широком спросе на отхожих рабочих в других районах и городах страны, так и выбор конкретными людьми более эффективных видов деятельности и источников создания семейного благополучия.

К 1900 г. ежегодный контингент отходников ЦЧР превышал 860 тыс. крестьян, включая 130 тыс. женщин. Особый размах эта миграция получила в Тульской, Рязанской и отчасти Орловской губерниях, где меньшее плодородие почвы быстрее заставляло селян искать занятия вне своего надела²¹.

В пореформенное тридцатилетие большинство отходников Центрального Черноземья находили сезонную работу в сельском хозяйстве окраин: от южноказацких областей до заволжских губерний, где они нанимались артелями к многоземельным старожилам для ручной косьбы травы и хлеба, для вспашки и молотьбы, для работы в скотоводстве и огородничестве. С 1890-х годов этот отход резко упал из-за широкого введения машинной косовицы и использования труда переселенцев.

На грани XIX–XX вв. среди отходников ЦЧР стала доминировать неземледельческая деятельность, поначалу особенно «черные работы», сыгравшие роль переходных к освоению квалифицированных профессий в строительстве и промышленности, на транспорте и горнодобыче, в области торговли и сфере услуг. Участники отхода, пользуясь железными дорогами, отныне трудились от западных губерний до Дальнего Востока, в столицах и Донбассе, на Бакинских нефтепромыслах и в других уголках страны. Важным явлением стал рост женского отхода: от эпизодического участия в сельскохозяйственных работах до массового устройства ткачихами на фабриках и прислугой в городах (кухарками, няньками и т. д.).

Артельная организация и сезонность заработков, оставаясь традицией от отхожих косарей, пока была характерна для строителей (летний сезон), частично шахтеров (зимнее время) и промышленных чернорабочих (зима или лето), гарантируя сохранение их тесной связи с родным селом. Закрепление крестьян на городских заработках в сфере фабрично-заводского труда, в качестве домашней прислуги и т. п. все больше требовало круглогодичной работы уже одиночек, искавших вакансии по рекомендациям односельчан или поручительству родственников²².

Однако в городе они проходили жесткий отбор на право длительного пребывания. Большинство селян быстро отсеивались

и возвращались домой, ежегодно сменяемые новым поколением молодежи. Некоторые юноши и часть девушек, потеряв надежду найти достойное приложение труда, избирали положение городских люмпенов с воровством и проституцией, нищенством и бродяжничеством.

Меньшинство отходников, постепенно адаптируясь к новым условиям жизни, становились квалифицированными неземледельческими работниками, поддерживая деньгами свое крестьянское хозяйство и иногда навещая в деревне родных. Часть их возвращалась к земледелию в среднем возрасте, обычно отправляя (жившие в городе без своих семей), иногда оставляя (взявшие в город супругу и детей) подросшее потомство на городские заработки: чаще сыновей, реже дочерей²³. У одиночки весь отхожий срок его хозяйство велось домашними силами. Отхожая семья по приезду домой «заводила вновь хозяйство»²⁴.

Характерны рассуждения тульского крестьянина 1890-х годов, литейщика на московском заводе, где еще «артелями живут, а семейство в деревне»: домашние ведут обработку земли, разводят скот, содержат избу, так как «чуть что коснись, скажем, работы нет, скажем, заболел, стар стал, – куда денешься? На улицу помирать? А тут все-таки свой угол...» Тем более что «наша работа вредная», «до сорока лет мало кто доживет здоровым. Куда тогда пойдешь? В деревню, больше некуда»²⁵.

В 1912 г. при описании деревни Прончищево Тульской губернии земские статистики выявили, что «из всей деревни живут на стороне около 50 чел.; большей частью на бумагопрядильных фабриках Москвы... Отход на сторону увеличивается – вследствие постоянных причин: увеличения членов семьи», причем «уходят на сторону лишние члены семьи»; «по бедности семьи» и «отсутствию местных заработков». «На промысле живут все время, бывают дома на Пасху и Рождество; на полевые работы никто почти в деревню не приходит». «В Москву ездят по железной дороге, весь проезд обходится 3 руб.». Месячная зарплата за отхожую карьеру постепенно повышается – от 17 до 30 руб. «Заработок зависит от возраста, ловкости, пола, грамотности, а главным образом от продолжительности занятия данным ремеслом». Деньги на родину (обычно почтой) высылают нерегулярно: «когда захотят, тогда и пришлют». «Месячная присылка от 2 до 7 руб.; деньги эти тратятся на подати и продукты, которые не вырабатываются в хозяйстве». «Жизнь на промысле гораздо лучше деревенской во всех отношениях: чище помещения (в фабричных «казармах» для «одиноких» мигрантов. – А. К.), одежда, лучше харчи». «Рабочий день продолжается от 9 до 10 часов». Досрочный «отказ от места» негодным и увольнение престарелых

оборачивались их возвращением домой, к земледельческому труду. Семейной «заменой» служили «подростки», которые поступали на промысел «учениками»²⁶.

Данные о ткачах Москвы за 1899 г. (1,4 тыс. человек), главным образом крестьян Рязанской и Тульской губерний, указывают на постепенное формирование потомственного отходничества, поскольку отныне 55,6 % фабричных кадров являлись детьми бывших мигрантов, вынужденных возвратиться в свои села. Первое поколение в городском отходе составляло 44,4 % тружеников. Средний стаж отхода в Москву оставался небольшим – лишь 10,3 года. Преобладали молодые работники: от 15 до 25 лет – 50,6 %; 26–35 лет – 32,1 %; 36–45 лет – 13,4 %; 46–55 лет – 3,7 % при среднем возрасте 27,5 лет. Наибольший отсев неспособных освоить новую профессию происходил среди молодежи, ибо средний возраст начала отхода был «равен 17 годам». Костяк квалифицированных кадров складывался из оставшихся, которые вскоре вступали в возраст трудовой зрелости. Поэтому «фабрика по преимуществу эксплуатирует рабочего, когда он обладает наибольшей работоспособностью. По мере же того, как с повышением возраста эта работоспособность падает, фабрика освобождается от таких рабочих, заменяя их более молодыми», так как «фабрика предпочитает рабочих в возрасте до 40 лет». Дополнительный импульс имел сельское происхождение: когда фабричный «рабочий достигает приблизительно 40-летнего возраста, в это время его отец (дома, в деревне. – А. К.) за старостью выбывает из работников, и тогда рабочий оказывается вынужденным вернуться в деревню, чтобы не бросать хозяйство», а отхожую карьеру начинал его сын или дочь²⁷.

С конца XIX в. отход получил широкое развитие среди тамбовчан, курян, воронежцев. К примеру, в с. Цуриково Фатежского уезда Курской губернии обследование статистического отдела губернского земства в 1911 г. зафиксировало 24 семьи с «дальним отходом», или 26 % всех дворов села. Общая численность отсутствующих людей – 27 мужчин и 2 женщины: все уехали на юг, работали в основном шахтерами на Донбассе и рабочими на заводах, крестьянки устроились городскими служанками. Возрастные группы отходников были таковы: моложе 20 лет (от 17 лет) – 4 человека (14 %), от 20 до 40 лет – 23, включая 2 девушек, остающихся незамужними (79 %), старше 40 лет (до 42 лет) – 2 (7 %). Отходничество было круглогодичным. Летом бывали дома всего двое мужчин, живших в городе без семьи. Годовое поступление заработанных отходом средств колебалось от 10 руб. (у 17-летнего) до 450 руб. (у 42-летнего). Половина хозяйств с отхожими рабочими не держали лошадей, многие сдали в аренду земли, а одна семья даже не имела своей избы²⁸.

Во время Первой мировой войны большинство отходников освободили от мобилизации как занятых оборонной работой. Призванных мужчин заменили женщины: сестры, супруги, дочери. На лето 1917 г. количество отходниц из ЦЧР достигло 187 тыс. (по 52 тыс. рязанок и тулячек и 24 тыс. крестьянок Тамбовщины)²⁹.

Таким образом, отход из ЦЧР за полувековую эволюцию приобрел преимущественно неземледельческую направленность, стал потомственным, в нем участвовали и женщины. Особые трудности для отходников представляли поиски работы и отсутствия собственного жилья, а также неизбежность возвращения домой по причине достижения «преклонных лет».

В целом переселенчество и отходничество крестьян ЦЧР в 1861–1917 гг. отличало следующее: одновременное существование, исходно схожие причины, приобретение комплекса новых специфических признаков и противоречивой взаимосвязи, особенно характерной для последствий миграций, ибо они взаимно дополняли и тормозили процессы земледельческой колонизации и индустриальной урбанизации, поскольку упадок первой миграции неизбежно порождает успехи второй.

Примечания

- ¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. СПб., 1905. С. 165.
- ² РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 18–98, 245–274; Оп. 2. Д. 1205. Л. 171–354; *Уманищ Ф.М.* Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 2–242.
- ³ Общий свод по Империи... С. 112–113; *Сельское хозяйство в России в XX веке.* М., 1923. С. 12–33.
- ⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 300. Л. 33 об.
- ⁵ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 72.
- ⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1205. Л. 174 об.
- ⁷ Там же. Д. 1427. Л. 118 об.
- ⁸ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 227 об.–228.
- ⁹ Цит. по: *Григорьев В.Н.* Переселение крестьян Рязанской губернии. М., 1885. С. 172–173.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1427. Л. 20, 31, 142.
- ¹¹ *Кауфман А.А.* К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб., 1904. С. 54; *Сувчинский К.Е.* Переселенцы в Оренбургской губернии // *Материалы по статистике Оренбургской губернии.* Ч. II. Оренбург, 1889. С. 2–3, 6.

- ¹² *Кауфман А.А.* Указ. соч. С. 89.
- ¹³ Цит. по: *Григорьев В.Н.* Указ. соч. С. 12.
- ¹⁴ Цит. по: *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т. I, ч. 1. СПб., 1895. С. 127, 233.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 300. Л. 66 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 1546. Л. 29–47 об., 98–99 об.
- ¹⁷ Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. Пг., 1916. С. 2–3.
- ¹⁸ *Федяевский К.К.* Удачный опыт переселения группы крестьян // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 300–301, 312–314.
- ¹⁹ Журналы заседаний 46 очередного Курского губернского земского собрания 1910 г. Курск, 1911. С. 917–919.
- ²⁰ Сельское хозяйство в России в XX веке. С. 32–33.
- ²¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 216.
- ²² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 297. Л. 24–44 об.; Д. 300. Л. 2–103 об.; Д. 301. Л. 1–122 об.; *Кириллов Л.А.* К вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения. СПб., 1899. С. 1–41; *Шаховский Н.В.* Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903. С. 4–464.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 428. Оп. 1 Д. 7. Л. 16–26 об.; Д. 8. Л. 30–50 об.; Государственный архив Тамбовской области. Ф. 143. Оп. 1. Д. 3527. Л. 5–7 об.; Д. 3531. Л. 24–30 об.
- ²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 300. Л. 19.
- ²⁵ *Вересаев В.В.* В тумане // Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1961. С. 205, 209, 213–214.
- ²⁶ Государственный архив Тульской области. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1108. Л. 2–2 об.
- ²⁷ *Шестаков П.М.* Рабочие на мануфактуре Т-ва «Эмиль Циндель» в Москве: статистическое исследование. М., 1900. С. 18–25, 53, 75.
- ²⁸ Государственный архив Курской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 364(2). Л. 1–96 об.
- ²⁹ Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 208–225.